

**Андрей  
Мухлынин**

**Версия Теслы – 1**

**СЕЗОН КОЛДУНА**



*Что делать магу, оказавшемуся запертым в маленьком мирке на окраине всеми забытой Вселенной? Конечно, открывать агентство! Ведь даже там, где волшебство стало сказкой, чернокнижники по-прежнему насылают проклятия, демоны дремлют в подворотнях, а ведьмы варят свои зелья.*

*Виктор Тесла — экстрасенс, экзорцист, Четвёртый Великий Магистр Тайной Шаманской Ложки (самопровозгл.) вынужден стать консультантом в расследовании вполне обычного на первый взгляд убийства. Но более могущественные силы уже приведены в действие, и Виктору придётся оставить дым и зеркала.*

*Потому что пришло время для настоящей магии.*

# Андрей Мухлынин

## Сезон Колдуна

*Все персонажи и события, описываемые в книге, вымышлены. Любые совпадения являются, как это ни странно, совпадениями.*

### Глава 1

Приподняв шкаф, хомяк потряс его и, поставив на место, принялся скрестись в дверцу. Чует, зараза, что я внутри. Честно говоря, сидеть в этом деревянном карцере, грозившем стать моим гробом, было слегка не комфортно. Да и, если уж оставаться до конца честным, это был не совсем шкаф. Тумба, скорее. Да, это правильное слово, хоть и не столь солидное, как «шкаф». Раньше на ней стоял телевизор. И только чудищу снаружи было известно, где он теперь. Я выждал, пока хомяк, разочарованно рыкнув, отойдёт в сторону, и пинком вынес дверцу — она с грохотом откинулась вниз, заставив тумбу покачнуться. Пара поросячьих глазок на щекастой голове размером с медвежью

тут же усталилась на меня. Пусть эта косолапая туша выглядела нелепо, зато очень ловко била и лягалась. Взревев с новой силой, хомяк схватил журнальный столик. Я вытянул правую руку в сторону люстры и ударил по напульснику на запястье, однако близорукость, в несколько раз усиленная зельем, и некстати сползающие очки внесли свою лепту. «Лишь бы не вычли из гонорара», — пронеслось у меня в голове, когда вырванная с корнем люстра, высадив стекло, исчезла за окном, а брошенный в меня журнальный столик удивительным образом поместился в только что опустевшей тумбе.

Ну, по крайней мере, там поместилось то, что от него осталось.

В разбитое окно хлынула ночь, наполнив собой разгромленную комнату. Воспользовавшись темнотой, я бросился в прихожую, на бегу уклоняясь от нашедшегося телевизора.

Проклятый зверь быстро сообразил, что добыча упущена, и побежал следом. Поднимаясь на второй этаж, я слегка замешкался, за что и схлопотал оплеуху мохнатой лапой. Защитный медальон на шее немного смягчил удар, и хомячище добился лишь того, что сам подбросил меня на пару метров дальше по лестнице, дав несколько секунд фору. Пока он справлялся со ступенями и ломал перила, я уже баррикадировался

в дальней комнате, прикидывая насчёт соседних помещений и расположения несущих стен. Снос дома в планы пока не входил. Проклятье! Меня же вызвали просто узнать, что за привидение завелось под ванной! В следующий раз буду уточнять: не окажется ли «привидение» внезапно выросшим в двухметрового монстра хомяком. Хомяком, сожравшим дорогую сантехнику и попробовавшим на зуб ту самую ванну, из-под которой он только что вылез.

Хомяком, выламывающим сейчас дверь вместе с дверной коробкой.

Хлопнув несколько раз по напульснику, я проделал достаточную дыру в стене и юркнул в неё, попав в соседнюю комнату. Служившую по совместительству логовом юному некроманту. На разбросанных по полу листках из школьных тетрадей красовались наброски каких-то заклинаний и сигиллов с пометками на полях.

— Достаём двойные листочки и пишем... — пробормотал я себе под нос. Рычание осилившего подъём по лестнице хомяка заставило меня поторопиться. Заклинание, сделавшее его таким, лежало где-то здесь, надо было только найти нужный листок и узнать, что это за заклинание.

Однако ничего толкового в записях не нашлось — дилетантские призывы мелких демонов, да и только. Зато под кроватью я обнаружил

коробку, в которой под кипой эротических журналов покоилась потрепанная книжка по практической чёрной магии. На ещё одном тетрадном листе, вложенном в неё, было что-то написано. Мне потребовалось немного времени, чтобы разобраться в корявом почерке. И еще немного, чтобы выругаться длинной витиеватой фразой, на какую способен только старый морской волк, потерпевший кораблекрушение посреди бескрайнего океана, дрейфовавший пару месяцев по волнам и подобранный проходившим мимо лайнером с гордым именем «Титаник».

Нормальные дети в видеоигры должны играть, а не переносами душ заниматься. Представляю, какой цирк творится сейчас у демонов в местной преисподней — Левиафан, деловито набивающий печеньё за щёки.

Интересно, а у них там есть печеньё?

Оставив решение экзистенциальных вопросов на потом, я схватил со стола маркер и принялся спешно малевать на полу печать из книги, корректируя её для обратного обмена.

Ворвавшийся в комнату хомяк ещё больше расширил проход в стене. Едва он наступил на печать, я пропел слова заклинания, — получилось что-то вроде «Буэ-мгхва-хва», однако туша не обратила на это никакого внимания и, слопав брошенную в морду книжку, в немислимом для

меня прыжке взмыла в воздух, проломив башкой потолок. Я выхватил из-за пояса пистолет, который до последнего надеялся не использовать, поднял его вверх и спустил курок.

Маленький комочек шерсти упал мне на плечо и замер. Кажется, его немного контузило. Проклятье! Надо предупреждать, что печать срабатывает не сразу!

Подобрав в прихожей слегка пожёванную куртку, я вышел во двор, отдал хозяевам начавшего приходить в себя хомячка и кивнул на дом:

— А вы беспокоились, что ванну испортили... Счёт за услуги пришлю завтра.

— Мы слышали выстрелы... — неуверенно начал бормотать отец семейства (он обладал такой комплекцией, будто уже давным-давно рос только вширь). — Это жу были выстрелы? Выст...

— Лампочка взорвалась.

Я направился к воротам и, поравнявшись со старшим сыном, добавил:

— Ещё раз будешь играть с чёрной магией, вернусь и башку оторву.

\* \* \*

Ташкент у многих ассоциируется с летом. Вечным, дарующим изобилие... И только ташкентцы каким-то немислимым образом

умудряются находить в этом лете зиму, весну и, конечно же, осень.

Есть места, где осень приходит строго по расписанию. Она золотит листья в сентябре, ссушивает их октябрьскими ветрами и укрывает ноябрьским снегом. В Ташкенте иначе. Осень начинается и заканчивается незаметно. В какой-то момент вы просто замечаете, что лето переходит в зиму. Которая подозрительно похожа на весну.

На самом деле всё несколько сложнее. В августе начинают опадать первые листья. Причём вы не можете точно сказать, засохли они или просто сгорели. Затем, примерно в середине сентября, появляются дни, когда жара становится... чуть менее жаркой. Столбик подплавившегося термометра опускается с плюс пятидесяти до плюс сорока, а то и тридцати — тогда к опадающим листьям присоединяются жёлуди. Солнце, как бочком подбирающийся к сладкому ребёнок, садится всё ближе к западу, окрашивая небо на горизонте в цвет заиндевелых персиков. Вот тогда ночи становятся прохладными, а западный ветер приносит облака, которые изредка сбиваются в большие тучи, проливающиеся редкими дождями. Бурых листьев становится больше, их сгребают в кучи, кто-нибудь поджигает их, и тогда воздух пропитывается едким дымом. Позже, когда дожди становятся чаще, а дни заметно короче, с акаций



оппадают плоды-погремушки, — их пряный запах смешивается с запахом дыма, холодным ветром и карканьем сотен налетевших на запах приближающегося снега ворон...

— А за проезд платить кто будет? Пушкин?

Я застрял в Ташкенте.

— Так кто платить будет? — сварливо повторила контролёр. Судя по выражению её лица, она лично выбрасывала «зайцев» в окно.

— Лермонтов, — буркнул я, выуживая из кармана деньги. Контролёр оторвала мне билет и ушла в сторону водителя, бормоча что-то насчет шутников.

Терпеть не могу общественный транспорт. Так уж устроен человек: быстро привыкает к хорошему и оценивает свысока всё то, чем жил ещё вчера. Верно. Мы забываем, как перекусывали в «тошниловках», как толклись в метро в час пик, как были знакомы с простыми людьми, которые говорят то, что думают, и делают то, что говорят.

И всё-таки иногда просто необходимо разделить автобус с двумя пенсионерками и нетрезвым типом, дремлющим напротив. Как иначе человек может посмотреть на мир и обнаружить, что без быстрой машины и брендовой одежды он никого не интересуется, что без пары телохранителей и десятка камер он никакая не эпатажная личность, а обычный болван, не нашедший своего места в

жизни.

Как иначе беглец сможет поверить в то, что его не ищут?

Подъехав к остановке, автобус резко затормозил. Встрепенувшийся забулдыга огляделся по сторонам, остановил мутный взгляд на мне, и, усмехнувшись, ткнул пальцем в мой билет:

— Счастливый.

Действительно, счастливый — все шестёрки.

— Ага, зашибись просто, — мрачно подтвердил я, выходя из автобуса, и смял пронумерованную бумажку.

Нет, мне нельзя возвращаться.

\* \* \*

Не то, чтобы жить в этом городе входило в мои планы, просто я не умел экономить. А над теми, кто бросает деньги на ветер, судьба любит подшутить.

Шутка началась с ошибки, из-за которой я не смог сесть на рейс Дели-Прага. Авиакомпания предложила полететь следующим, с пересадкой в Ташкенте, обязавшись взять на себя все расходы. О том, что имелись в виду расходы только на первую половину перелёта, я узнал только по прибытии в Ташкентский аэропорт. Из-за начавшегося урагана все вылеты были задержаны, и я провёл восемь

бессонных часов в зале ожидания, когда выяснилось, что мой пражский контракт отменён. Вдобавок большая часть моего и без того скудного багажа из-за очередной ошибки отправилась на Пхукет. Пока я судорожно соображал, как такое вообще могло произойти, пропало и то, что оставалось при мне.

Потребовалось несколько дней, чтобы отыскать мелких пакостников, наложивших лапы на моё имущество. К тому времени местные торговцы проявили достаточно предприимчивости, чтобы вытянуть всё из туриста, вообразившего, будто он умеет торговаться.

Помню, как-то раз, во время очередного перелёта, сосед у окна заметил, что все города можно разделить на три типа. Одни похожи на рыболовные крючки, неумелым движением загнанные под кожу. Покидая их, вы будто вырываете эти крючки — с кровью и мясом, оставляя на всю жизнь пугающие шрамы. Другие — как разноцветные ленты, брошенные во время карнавала. Вы запутываетесь в них и становитесь безвольным, влекомым следом за всеми, участником бесконечного праздника.

Третьи... третьи никуда не тянут, не вгрызаются в плоть и не заманивают. Они просто неторопливо проходят мимо, подобно каравану в бескрайней пустыне, и вы хотите поспеть за ними,

но как бы ни старались, всегда будете оставаться где-то позади, наблюдая, как исчезают следы, оставленные на песке.

Пожалуй, Ташкент из последних. Я вырывался из цепких лап первых, плёлся за вторыми, но все они были просты и состояли из чётко ограниченных кирпичиков: жестокость и сочувствие, скорбь и счастье, воспоминания и забытие, гордость и позор. Всё в них имело свои границы.

А этот город я понять так не смог.

Впрочем, кое в чём все города схожи: достаточно одной ночи, проведённой на скамейке в парке, чтобы сообразить, что пора обустроиваться.

Да, с этим связаны определенные трудности. Не у всех есть шанс получить гражданство за неделю. Но если вы умеете создавать более-менее стойкий морок, это не станет большой проблемой. Формально это не подделка документов, ведь люди сами себя обманывают, видя то, чего нет.

Моё агентство, предлагающее «услуги оккультного характера» расположено недалеко от центра города, потому что это даёт мне право на совершенно бессовестные цены за услуги. Открыв его в небольшом доме на сонной улочке, где уже и так было несколько сомнительных фирм, я приступил к делам.

Мое имя — Виктор Тесла.

Ложь — моя работа.

\* \* \*

Сиренево-синий свет фонаря на обочине разгонял оловянные ноябрьские сумерки и отражался в стекле таблички с чёрной на бронзовом фоне надписью: «Тесла Виктор». Никаких слов типа «Маг» или «Экстрасенс». Во-первых, уважающие себя специалисты так не делают. Во-вторых, так не делают мошенники, которые хотят выдать себя за специалистов.

Чего бы вы не подумали ранее — я шарлатан. Знаете, люди странно относятся к сверхъестественному. Зачастую, отрицая любые его проявления, они отдают себя во власть ничего не значащих примет, самозабвенно верят в мелочи, которые якобы защищают от зла, или приносят удачу, или ещё что. Дайте им эти приметы, и они будут счастливы заплатить. Укажите им на мелочи, и они будут поклоняться вам.

Но на самом деле моя работа до ужаса скучна. Сначала мне казалось, что это никак не помешает заниматься экзорцизмом по десять раз на дню, но вышло совсем наоборот. Первыми в моё агентство потянулись наивные девицы, твёрдо уверенные, что я буду рад сварить им литр-другой приворотного зелья. За ними появились частные

предприниматели, жаждущие выгодных сделок. Следом обо мне прознали параноики и шизофреники. Первые думают, что я их спасу, но не могут сказать, от кого. Вторые не знают, что им нужно, но твёрдо знают, кто виноват. Выпроводить одинаково трудно и тех, и других.

В общем, в конце концов мне пришлось окончательно сдаться и обманывать дураков, изображая из себя Четвёртого Великого Магистра Тайной Шаманской Ложи. С таким титулом я сам к себе не решился бы пойти, но народу нравилось.

Я скинул куртку в прихожей и через зал прошёл на веранду. Зал — единственная более-менее нормально обставленная комната. Его интерьер состоит из дивана, на котором я сплю чаще, чем в спальне, трёх стульев, книжного шкафа и потрёпанного кресла перед ним. В центре — стол с хрустальным шаром (вообще-то стеклянным, но моим посетителям это знать не обязательно) и двумя чёрными свечами. Предсказать, а тем более наколдовать что-то с их помощью невозможно, и тем лучше: «магов», что мелькают с этими атрибутами в телепередачах о призраках и пришельцах, к магии лучше вообще не допускать.

Веранда выходит на старый двор. Когда-то он был общим для нескольких домов, но с тех пор как все сделали себе по отдельному входу, его тропинки густо поросли травой и двор превратился

в полузаброшенный сад с несколькими яблонями и одинокой вишней под моими окнами. Я использую веранду как мастерскую, где время от времени собираю что-нибудь волшебное. Сейчас письменный стол, задвинутый в дальний левый угол, был завален серебряным «ломом» и ювелирными инструментами. Три года назад мне пришлось осваивать это искусство, ведь обращаться к ювелиру с просьбой сделать медальон, на котором вместо узора сплетено заклинание, невыгодно. Правильный рисунок практически никогда не получается с первого раза. Приходится переделывать вещь снова и снова, пока не появится хоть какой-то подходящий результат, а затем столько же времени тратить на настройку. Это так долго и муторно, что я стараюсь обходиться всего несколькими артефактами. В обязательный набор входят медальон с изображением двенадцатилучевого креста, символа абсолютной защиты, несколько колец на выбор и пара клёпанных напульсников. На каждой заклёпке выгравировано сочетание трёх рун, служащих чем-то вроде трансформатора кинетической энергии — причем на каждом напульснике сочетание своё. Удар по левому накапливал энергию, по правому — высвобождал ее. Весьма полезная штука, если надо отбросить кого-то. Или разгромить дом клиента.

Сняв кобуру, я вытащил оружие и спрятал его

в верхний ящик стола. Валяясь на виду, тридцатисантиметровый отпрыск пистолета и артиллерийского орудия, собранный кучкой энтузиастов и получивший имя «Номад», вызывал у клиентов желание поскорее уйти. Часто — не заплатив. Это плохо сказывалось на бизнесе, поэтому большую часть времени Номад хранился под замком. Если вы сейчас подумали, что нормальные люди имена вещам не дают, то поправлю: нормальные люди не дают имена *нормальным* вещам. Необычным же имена даруют силу. И Номад как раз из таких. Магазин, в нормальных условиях вмещавший бы штук семь патронов пятидесятого калибра, был расширен втрое. Что-то вроде подпространства — в таких вещах я не силён. В результате из пистолета мог стрелять только маг, способный подпитывать своей силой зачарованный механизм. В руках же простого человека Номад оказывался всего лишь красивой бутафорией с заевшим спусковым крючком.

Теперь вы достаточно знакомы со мной и моим агентством. Так что когда будете в Ташкенте — заходите. Я всегда к вашим услугам.

\* \* \*

Посетителей на сегодня уже не намечалось. Перекусив оставшимся с утра бутербродом и



пошатавшись немного по дому, я снова накинул куртку и вышел на улицу.

Снаружи уже моросил дождь, тихо шелестящий по остаткам бурых листьев. Сиренево-серые ночные тучи время от времени подсвечивались далёкими молниями, а пробирающий до костей ветер задувал за воротник. Осень подходила к концу — ещё немного, и выпадет первый снег.

Подняв капюшон, я направился в «Дьяволов».

«Дьяволами» заведение, расположившееся в тупике через несколько улиц, называлось с легкой руки кого-то из постоянных посетителей. На самом деле оно задумывалось как тематическое кафе «Blue Devils», о чем свидетельствует вывеска, но специфика темы превратила его в нечто большее.

Здесь не устраивают шумных вечеринок и не заводят знакомств. В «Дьяволов» приходят, чтобы побыть наедине с собой, когда оставаться в одиночестве уже невозможно.

Закрыв поскорее за собой дверь, чтобы холод не успел пробраться внутрь, я протопал к столу у окна и со скучающим видом расположился за ним. Изнутри бар представлял собой довольно просторное помещение; стены его были отделаны под тёмно-красный кирпич, неплохо смотревшийся в свете хоть и редких, но довольно ярких ламп. Слева от входа, напротив барной стойки, вытянулся

вдоль стены ряд круглых столов, ещё два стояли у дальней стены. Сквозь матовые стёкла в окнах были видны лишь размытые пятна фонарей, а от дождя на улице оставался только шелест. От этого почему-то становилось ещё чуть-чуть теплее и уютнее, будто нет места надёжнее. В некотором смысле, так оно и есть: чтобы обеспечить себя местом, где можно было бы спокойно расслабиться, я однажды оставил в «Дьяволах» несколько печатей-сигилов от агрессии.

— Вечер добрый. Что-то ты сегодня поздно, — поприветствовала меня девушка в чёрно-белом костюме официантки: среднего роста брюнетка, имеющая привычку носиться между столами даже если никого нет. Не успеешь оглянуться, она уже тут как тут: примет заказ, исчезнет, цокая каблучками, и так же быстро вернётся. Я кивнул Рите в знак приветствия и молча прошёл к своему столу в дальнем углу. Однажды я оказал Тимуру неоценимую услугу, и теперь имел собственный стол, чашку, право заказывать музыку и бесплатно пить кофе. Именно так. Вы редко встретите мага, пьющего что-то крепче трёх-четырёх градусов. Даже слабое опьянение заметно сказывается на качестве заклинаний, а маг, не способный управлять своей волей — мёртвый маг.

— Как обычно? — Рита задала этот вопрос на

автомате, потому что в следующую секунду уже убежала к барной стойке, чтобы спустя минуту вернуться обратно. Поставив чашку на стол, она присмотрелась ко мне, сложила губки в сочувственном «у-у-у», и села напротив.

— Паршиво выглядишь.

Я дотронулся до скулы, и она отозвалась ноющей болью.

— Трудный денёк.

— Расскажешь? — Рита устроилась поудобнее и, не дожидаясь ответа, затараторила: — А знаешь что? Ты ведь экстрасенс или что-то вроде того, да?

Я кивнул.

— Так вот, я думаю, что ты по ночам всё-таки охотишься на вампиров.

— Толпами их выкашиваю.

Я не стал говорить, что вампиров в этих краях уже век с лишним не видели.

— Запасаясь кольями и святой водой... — продолжала она.

— Скупаю весь чеснок в городе.

— И патрулируешь тёмные улицы, охраняя покой горожан. А синяк ты получил в драке с... ну не знаю с кем.

— С огромными грызунами.

— Рассказывай, не тяни.

Я ухмыльнулся. Рита с интересом слушает мои рассказы, но вряд ли верит хоть единому слову.

Ведь не могут студенты-медики практиковать в морге некромантию! Так же, как ведьмы не поднимают на кладбищах призраков, разгоняющих вусмерть перепуганных сатанистов. А гигантские хомяки? Это же просто сказки!

Так ведь?

\* \* \*

Проклятый телефон трезвонил над самым ухом. С каждым новым звонком мне всё больше хотелось разбить его, чтобы спокойно спать дальше. Нашарив на столике у изголовья будильник, я поднёс его к лицу и тихо выругался, — уже половина двенадцатого. Обычно я открываюсь в девять.

Телефон даже не думал замолкать. Смахнув с журнального столика горстку стикеров с адресами клиентов, я схватил трубку и рявкнул:

— Чё надо?!

Несколько секунд в трубке стояла тишина, а потом кого-то на другом конце прорвало. Только через пару минут я понял, что это Рита. Она говорила много, эмоционально и неразборчиво. Из её длинного монолога до меня дошло только одно: Тимур, владелец бара, мёртв.

— Блин, — пробормотал я, повесив трубку. — Кажется, это заведение только что закрылось.

## Глава 2

Когда я пришёл, тело уже погрузили в «труповозку»; остались только трое милиционеров, обсуждавших что-то, и бледная Рита в сторонке. Она хлюпнула растёртым носом и с укором покосилась на меня.

— Я звонила час назад.

— За телом, я смотрю, тоже не торопились, — я огляделся по сторонам. — Что тут произошло?

— Я хотела сказать Тимуру, что вечером не приду, но он не отвечал на звонки. Я... я забеспокоилась и заехала сюда утром... и нашла его мёртвым, — Рита побледнела ещё сильнее. — Он лежал посередине зала, на спине. Раскинув руки. Будто его что-то ударило в грудь... И кровь. Повсюду. И... в голове... прямо в лоб...

Она судорожно глотнула воздух.

— А что они, — я кивнул на милиционеров, — говорят об этом?

— Не знаю.

— Н-да... — я устало вздохнул. — Ну а я-то тут при чём?!

Рита помолчала немного.

— В записной книжке был твой номер. Рядом было написано: «Позвони ему».

Я насторожился.

— Записной книжке?

— Она лежала на барной стойке. Там были ещё имена и телефоны.

— И её уже забрали?

— Не думаю. Я уронила книжку за стойку...

Может, она все ещё там.

Паршиво. Вряд ли эти стражи закона пропустят на место преступления незнакомого заспанного типа в подранной куртке.

— Я пойду, — тихо сказала Рита. — Меня подвезут...

— Угу.

— Как ты думаешь, за что его?

— Наверное, за лишние разговоры. Молчаливый бармен — живой бармен, — я наклонился к девушке и зловеще добавил: — К остальному персоналу это тоже относится.

Рита нахмурилась и ушла. Честно говоря, мне не хотелось её запугивать. Но ещё меньше хотелось оказаться каким-то боком причастным к убийству. А чтобы этого избежать, нужно было поторапливаться. Подождав, пока Рита свернёт за угол, я приступил к действиям. Нашарив в кармане тонкое серебряное кольцо, завалывшееся ещё со вчера (тогда я был больше занят предотвращением прогулки одержимого хомяка по городу, — в этом случае мне бы вообще не заплатили), я постарался привести мысли в порядок. Если хотите

останавливать время, лучше быть сосредоточенным, — этот процесс относится к тем, которые сложно контролировать. Если, конечно, у вас нет соответствующих способностей. Даже среди способных магов ими обладает один на сотню, и еще меньше тех, кто может ими пользоваться без артефактов.

Всё что могло дать кольцо — от силы секунд десять. По моим подсчётам этого должно было хватить, чтобы успеть пробраться в «Дьяволов». Стараясь не торопиться пошёл в сторону бара, делая вид, будто собираюсь уходить, и, подобравшись достаточно близко, опустил поставленный в сознании барьер, высвобождая магию кольца.

Мир преобразился. Рыбно-кислый запах прелой листвы, какой стоит обычно по утрам после ночного дождя, исчез; дороги, тротуары и лужайки перед домами и крыши покрылись густым ковром из оранжевых листьев, неестественно крупных и ярких. Небо потеряло белесый оттенок, усиливающийся с холодами к концу осени, и снова стало лазурным, а промозглый ветер разом стих.

Добро пожаловать во Вневремя — остановленное мгновение.

Не тратя попусту отмеренные секунды, я бросился к дверям и влетел в бар, вынеся дверь плечом. Во Вневремени можно не заботиться о

состоянии вещей — для всех это мгновение уже прошло и затерялось среди бесчисленного количества таких же, неотличимых друг от друга. Только ворон, устроившийся под потолком на лопасти покосившегося вентилятора, посмотрел на меня, наклонив голову, и недовольно каркнул.

— Подумаешь, — буркнул я, ступая по листьям, усеивающим пол даже в помещении. Не сводя с меня взгляда, ворон каркнул ещё раз. Как ни крути, эти птицы — единственные живые существа здесь. Пару раз, правда, я видел кошачьи силуэты, но сомневаюсь, чтобы кошки забредали сюда осознанно. А вот вороны во Вневремени чувствуют себя хозяевами.

С лёгким шелестом меня выбросило в реальность. Стараясь больше не шуметь и не касаться ничего лишней раз, я первым делом заглянул под один из столов. Сигил, который должен был предотвращать любую агрессию в радиусе пяти-шести метров, был «сломан». Проклятье! Я предусматривал такой вариант — что кто-нибудь может попытаться стереть или перечеркнуть его — и внес в рисунок ещё один уровень защиты. Попробуй кто-нибудь нарушить целостность печати, и весь бар погрузился бы в двухчасовой сон. Даже окончательно свихнувшийся маньяк с бензопилой наготове, случайно забредший в бар, задумался бы о мире во всём мире. Нет, сигил



был деактивирован. Кем-то, кому знакомы тонкости работы с магическими печатями. Кроме того, о существовании этих сигиллов знали немногие. Следовательно, тот, кто вырубил их и затем убил Тимура, бывал в баре раньше.

Интересно, кто это? Ему нужен был только Тимур? Зачем тогда нужно было, чтобы Рита позвонила мне? Или... они приходили за мной. Точно! Вот оно как. Так и знал, что однажды это случится.

Я вовремя заметил, что хихикаю.

Разговор на улице стих, кто-то приоткрыл дверь. Взяв себя в руки, я перемахнул через стойку и затаился, прикидывая шансы на обнаружение. Будет очень некстати, если кто-нибудь заглянет сюда. Я закрыл глаза и восстановил дыхание, одновременно шаря рукой вокруг себя. В пространстве между дном стойки и полом пальцы наткнулись на что-то вроде блокнота. Затаив дыхание, я прижал это мизинцем и потянул к себе. Вытащив, первым делом раскрыл записную книжку на странице с буквой «Т» — все было именно так, как сказала Рита. Но на обороте обнаружилось кое-что поинтереснее: крупным корявым почерком было выведено два слова: «Виктор, сохрани». Я мысленно пожал плечами и положил книжку во внутренний карман куртки.

Милиционер, открывший дверь, постоял на

пороге несколько секунд, негромко ответил другому и загремел связкой ключей — наверное, собирался запереть бар. Я уже наметил себе выбраться после его ухода, но мой желудок возмущённо забурчал, очень некстати напомнив, что мы ещё ничего не ели.

Сделав глубокий вдох, я снова активировал кольцо, и выскочил из своего убежища. У меня оставалось не больше пяти секунд, думать было некогда. С разбегу высадив собой стекло в ближайшем окне и вылетев на улицу, я побежал что было сил, стараясь не обращать внимания на засевшее в руках стекло. Энергии в кольце хватило как раз до поворота, где меня и выкинуло из Вневремени.

Остановившись ненадолго, я повыдергивал из запястий наиболее крупные осколки и, воровато оглядываясь, побрёл домой, намереваясь в ближайшую неделю залечь на дно. Так у меня будет время, чтобы немного подготовиться. Рано или поздно убийцы объявятся, и тогда их будет ждать тёплый приём.

Я бы даже сказал жаркий.

А ведь именно так и влипают во всякие истории.

\* \* \*

Но за мной уже следили. Это ни с чем не сравнимое ощущение чужого взгляда между лопатками, — не давящего, но вполне материального, побуждающего бежать, оторваться от преследователя. Или преследователей — это уж как получится.

Я ускорил шаг и свернул в ближайший переулок, показавшийся мне достаточно безлюдным. Дойдя до конца переулка, я снова повернул, притаился за припаркованным у забора джипом и стал считать до десяти. На «десять» я с грозным видом выскочил из-за машины, приготовившись к любым неожиданностям.

Но в переулке никого не было.

Здоровенный жёлудь пролетел мимо. Второй ударил в спину. Я развернулся, высматривая того, кто их бросает, и третий попал мне по лбу. Человечка на крыше это очень развеселило. Он был не выше ребёнка лет десяти, имел угловатое телосложение и чересчур большую голову. Жутковатая картина дополнялась кожей цвета хаки и огромными зрачками. Представьте, что Голлум приболел и даже немного умер. Потом превратился в зомби и восстал из мёртвых. Примерно так и выглядят доганьеры.

Не сводя с меня взгляда, доганьер сбросил вниз ещё три жёлудя. Итого шесть.

— В шесть? — спросил я.

Человечек на крыше подпрыгнул, очевидно, в знак согласия, — его голосовые связки совершенно не были предназначены для человеческой речи, поэтому он не утруждал себя даже попытками заговорить.

— Идёт, — кивнул я.

Он ещё раз подпрыгнул, насторожился и, погрозив кулаком в сторону, убежал. В следующую секунду кусок крыши, где только что сидел доганьер, разнесло на куски.

Высокий мужчина в чёрном опустил руку и направился ко мне.

Он нёс с собой звон.

Обычно вся чародейская братия упрощает, представляя себе магию в виде ещё одной сферы, окружающей Землю подобно воздуху. На самом же деле магия — это энергия, пронизывающая всю Вселенную, от её начала и до самого конца. Маги способны «перерабатывать» эту энергию в своём теле, даже накапливать её, чтобы потом использовать в своих целях. Но иногда она «не помещается» в оболочке и часть её выходит наружу, становясь неуправляемой. Тогда воздух вокруг начинает дрожать, как в при сильном зное — это вырвавшаяся магия искажает реальность, и чем больше её выходит наружу, тем сильнее искажение. Если же магии очень много, — так много, что её носитель «фонит» энергией как

Чернобыль радиацией, — воздух начинает звенеть, будто кто-то водит пальцем по краю огромного бокала.

И сейчас я слышал именно этот звук.

А пропускать через себя такое количество магии могут только неуглеродные формы жизни. Иными словами, сейчас это может быть либо ангел, либо демон, либо, не приведи встретиться, забытое божество.

Незнакомец остановился метрах в пяти от меня. Ростом он был чуть выше среднего, имел узкие плечи, худую шею, вытянутое лицо с острым подбородком, и длинные волосы, собранные в жиденький хвост, который мотало от малейшего дуновения. Незнакомец заговорил сиплым, с металлическим оттенком, голосом — будто горячий ветер дул сквозь железную трубу.

— Атта-и-су-э-тту.

Демон, значит. Для энергетических форм жизни речь является чем-то из области интуитивно воспринимаемого, поэтому её представители не понимали и никогда не поймут, что такое «языковой барьер». Но он говорил на накшанси — языке демонов — и таким образом хотел либо представиться, либо проверить меня.

— Нашёл, говоришь? — я поднял руки. — Ладно, твоя взяла. Теперь я вожу, прячусь.

Демон прокашлялся и снова заговорил; его

голос с каждым словом становился заметно ближе к человеческому.

— Я слыш-шал о тебе. Ты проявлял поведение, недостойное воина.

— Не думаю, что вас, ребята, это касается.

— Но о тебе рассказывали как о великом воине.

Я закатил глаза и устало вздохнул.

— Ну что за бред? Мы что, по-твоему, в глухом средневековье? Думаешь, это нормально — устроить рыцарский поединок в глухом переулке? Из какой дыры ты, вообще, вылез?

Демон сделал шаг вперёд и воодушевлённо воскликнул:

— Сразись со мной!

Прекрасный денёк, не правда ли? Устало фыркнув, я отвернулся.

— Просто присвой себе все почести и вали.

— Я вызвал тебя на бой!

— Да мне плевать.

Слово «ложь» я услышал уже после удара в спину. Полёт продолжался недолго — до забора из металлической сетки, натянутой на слабо вбитую в землю арматуру, который я успешно собой снёс.

— Я Маларья! Сразись со мной! Выбирай оружие и сражайся!

Пробормотав: «Сколько пафоса», — я выдернул из земли ближайший штырь, взял его в

правую руку, а левой загрёб горсть земли, которая здесь по большей части состоит из глины и песка. Демон стал подходить ближе. Когда между нами осталась всего пара метров, я удивленно посмотрел вверх. Этот болван тоже задрал голову. В ту же секунду я бросил ему в лицо землю и, перехватив арматуру обеими руками, со всей силы огрел ею демона. Потом ещё раз, и ещё.

Он что, думал, будто я достану меч из ножен и с таким же воодушевлением приму вызов? Быть может, в другой раз; если вдруг меч найду или до одури «Мановар» наслушаюсь. Убедившись, что противник оглушен, я бросился прочь. В запасе было пять, от силы десять минут, пока он не придёт в себя. Конечно, не стоило надеяться, что этот странный демон так просто отстанет, но будь он хоть трижды не человек, бегать с головой, гудящей после серии крепких ударов, он не сможет.

Я не имел ни малейшего понятия, зачем понадобился ему. Гораздо важнее было то, как демон сумел найти меня. Вокруг него не было никаких мелких существ, так что шпионов у Маларьи, скорее всего, нет. Допустим, он засёк меня в момент выхода во Вневремени — почувствовал магию, высвобождаемую из кольца. Если так, то, учитывая, что я регулярно пользуюсь волшебными вещами, Маларья запросто найдёт меня ещё раз. Если, конечно, не догадается о более

простом способе: воспользоваться телефонной книгой.

Завалившись домой, я первым делом заперся на все замки и достал из стола Номада. Среднестатистическому стрелку двадцати патронов с лихвой хватит, чтобы вынести мозги непрошеному гостю. К сожалению, меткость не относится к моим достоинствам.

В дверь позвонили. Совершенно спокойно — нажав на кнопку и подержав её чуть меньше секунды. Совсем не так, как это сделало бы оскорблённое существо из иного мира.

Я медленно подошёл к двери, сняв на всякий случай пистолет с предохранителя, и спросил:

— Кто?

— Участковый, — ответил мужской бас с заметным узбекским акцентом.

В голове вовремя промелькнула мысль, что нехорошо встречать участкового с оружием в руках. Попросив его подождать немного, я вернулся в комнату и оставил Номада на столе.

— Ниязов Азиз Фуркатович, — представился мужчина с порога. — Кажется, нам ещё не приходилось общаться.

Изредка я видел его на улице. Примерно сорока лет, невысок, полноват, но не настолько, чтобы его можно было назвать толстым. Про жителей вверенной ему территории Ниязов знал



всё, и даже чуть больше — как и положено любому участковому. Слышал, так о нем говорили в «Дьяволах» — без злости или иронии. Для всех он просто был. Это немного успокаивало. Но общаться нам, действительно, ещё не приходилось.

— Это должно меня огорчать? Дайте подумаю, — я закатил глаза, сдвинул брови и тряхнул головой. — Нет, несколько.

— Не любишь гостей, — заметил Азиз, проходя в зал.

— За что ж их любить? В гости ходят, чтобы поесть из чужого холодильника. Как-то быстро мы перешли на «ты».

Азиз задержался в дверях, посмотрел сначала на пистолет, преспокойно лежащий на самом видном месте, а потом оглянулся ко мне.

— Классная штука, да? — спросил я.

— Можно? — спросил участковый, подходя к столу.

— Конечно, — разрешил я, представив на мгновение, как некстати будет, если у него обнаружатся магические задатки.

Повертев пистолет в руках, участковый безуспешно попытался вытащить магазин, цокнул языком и положил оружие на место.

— Хорошо помогает от хулиганов, — сказал я.

— Не сомневаюсь, — кивнул милиционер. Он

мне не поверил.

— Так с чем пришли? Кто из соседей подослал? Если кто-то болтает о жертвоприношениях с курами, то это наглая ложь!

— Да я, собственно, вот зачем: ты уже слышал об убийстве у нас в районе? Шестью выстрелами, представляешь? Беспредельщики, — Азиз выдвинул стул из-за стола и сел. — Да конечно слышал.

Я сел напротив и посмотрел на него через «хрустальный» шар.

— Мне рассказывали.

— А мне рассказывали, что ты там был.

На несколько секунд воцарилось молчание.

— Вроде того. До меня там побывали ваши коллеги и Скорая.

— Слушай, а ты действительно... ну это... — Азиз проделал пассы руками над шаром.

Изобразив скептическую улыбку, я откинулся на спинку стула.

— Давайте рассуждать как психически здоровые современные люди. Мы же живём в реальном мире, здесь не место предрассудкам.

— Но тогда это обман.

— Надежда. Я даю людям надежду. Иногда это именно то, что им нужно больше всего.

— А если надежда ложная?

— Я не могу отвечать за решения тех, кто

верит Четвёртому Великому Магистру Тайной Шаманской Ложи.

— Тут ты, пожалуй, прав, — Азиз хмыкнул. — Так вот, об убийстве: в баре кое-что нашли.

Он достал из папки фотографию нижней поверхности стола и показал мне.

— На нескольких столах нарисован один и тот же рисунок.

— А какое он имеет отношение ко мне? — с невинным видом спросил я.

— Мы пока не знаем.

— Пока не знаете, — повторил я, смакуя каждое слово.

— Да, — нехотя согласился участковый. — Но пытаемся разобраться. Вот я и подумал: может быть, ты знаешь, что это за рисунки?

А котелок у него варит.

— Это сгиллы.

— Что? — Азиз явно никогда и не слышал о подобном.

— Сгиллы — магические печати, являющиеся, фактически, компактным видом заклинаний. От собственно печатей сгиллы отличаются тем, что накладываются не для одноразового применения, а на достаточно длительный срок.

— И... зачем они нужны?

— Для разных целей. Конкретно эти использовались... ну вроде оберегов.

— Что-то не помогли эти сигалы.

— Сигилы, — поправил я. — Они не помогли потому, что были сломаны.

— Как это? Э, брат, ты же сам сказал, что волшебства нет.

— Но это не означает, что в него не могут верить.

— Значит, кто-то возомнил себя Мерлином?

Я с важным видом кивнул.

— Именно.

— Ты не можешь?... — Азиз погладил папку, собираясь с мыслями. — Можешь определить, кто это?

Я отрицательно покачал головой и дал ему свою визитку.

— Позвоните, когда у вас в распоряжении будет побольше информации.

Участковый отрицательно покачал головой встал и собрался уходить, но вдруг остановился и махнул рукой.

— А, договорились.

— Вы понимаете, что просите о помощи у *лжеэкстрасенса* ? — усмехнулся я, сделав ударение на последнем слове.

Азиз немного погрустнел.

— Всяки никому не нужны. А ты, я смотрю,

в этом соображаешь получше нашего.

— Мои услуги не бесплатны, — напомнил я.

Он погрузился ещё сильнее.

— Знаю.

Я закрыл за участковым дверь и облегчённо вздохнул. С одной стороны, меня только что припахали к делу, от которого я старался держаться подальше, а с другой — почти официально развязали руки. Проблема только в том, что мне ещё не доводилось работать частным детективом, и я плохо представлял себе, с чего начинать. В надежде найти хоть какие-то зацепки, я раскрыл записную книжку Тимура. И на первых же страницах сказал:

— Охренеть.

## Глава 3

Я вышел из машины и осмотрелся. Убедившись, что кроме меня здесь людей нет, открыл багажник и отвернулся в сторону огней аэропорта, тонущих в лёгкой дымке. «Ташкент-Южный» хоть и считается крупнейшим аэропортом в Средней Азии, вряд ли может похвастаться особенно большим пассажирооборотом и незавышенными ценами в аэровокзальном комплексе. О последнем знают все. Что касается меня, то я больше всего запомнил бы

очередь при прохождении паспортного контроля, если бы не одно «но»: доганьеры.

Этих существ полным-полно на вокзалах и в портах, но аэропорты — места их максимального скопления. Чего только не пытаются провезти по воздуху, а таможенный контроль не всегда справляется со своими задачами. Тогда-то в дело и вступают доганьеры, и если вы потеряли багаж, значит, он им не понравился. Я впервые встретил маленьких таможенников по прибытии в Ташкент, когда они попытались «конфисковать» Номада. К их искреннему удивлению, я оказался против «конфискации». К счастью (для себя), доганьеры наплевали на принципиальность и решили, что потери не стоят одного пистолета, и что им будет спокойнее, если спокоен буду я. Доставать патроны несколько сложно, доганьеры же помогали мне решать эту проблему в обмен на моё безразличие к их делам.

Возня за спиной прекратилась — багажник загружен. Не оглядываясь, я протянул руку назад, крепко схватил за горло первое попавшееся существо и подтащил его к себе.

— Как же мне хочется сказать: «Ах, вы маленькие гадкие предатели!»

Доганьер перестал дёргаться и захлопал глазами, делая вид, будто ничего не понимает. Он был довольно тяжелым, хотя в его внешности ничто

на это не указывало. Однако я не стал его отпускать, а только перехватил другой рукой за шкурку, держа доганьера как нашкодившего кота.

— Во-первых, кого вы притащили на хвосте? О, это могло быть чистейшим совпадением... но я не верю в совпадения. Не могу назвать вас предателями, ведь вы мне не служите. Но когда я говорил о взаимовыгодном сотрудничестве, в виду имелось также «не втыкать нож друг другу в спину». И, заметь, не только в буквальном, но и в переносном значении. Так что, если не хотите, чтобы наше соглашение стало недействительным, вы предоставите мне *всю* информацию об этом Маларье. Во-вторых, как я уже сказал, я не верю в совпадения. Один из ваших бросил в меня шесть желудей, причём последним целил аккуратно в лоб. Не сомневаюсь, остальные попали туда же, куда и пули одному бармену прошлой ночью. А раз вам что-то об этом известно, то лучше рассказать. Ну или показать. Я верю в вас, вы что-нибудь придумаете!

Высказав всё это притихшему доганьеру, я посадил его на землю и по-дружески похлопал по костлявой спине.

— А теперь беги. Не забудь мои слова.

Подхватившись, доганьер бросился прочь, улепётывая так, что ему приходилось опираться на руки, чтобы не споткнуться.

Я закрыл багажник, ещё раз осмотрелся и постарался как можно скорее смыться.

Знаете, до того, как начать вести образ жизни среднестатистического законопослушного гражданина, я и не подозревал, сколько существует дорожных знаков. Но когда речь заходит о перевозке оружия, никто не захочет лишней раз попасться, всего лишь неправильно равернувшись. Так что поездка более чем за двенадцать километров требовала от меня внимательности. Я вёл свою жёлтую «Импрезу-лисичку» с максимальной осторожностью, прокручивая в уме события прошедшего дня.

Итак, записная книжка. С виду ничего особенного, куча имён — как и положено. Но есть одно «но»: напротив каждого имени помимо телефона и адреса написана специализация. *Магическая* специализация. «Знахарь» или, там, «профессиональный экзорцист». Много всяких. Тимур определённо интересовался ими, на это указывали часто встречающиеся пометки в виде непонятных мне сокращений. Мог ли он поддерживать связь с магическим сообществом? Зачем? Он и меня-то считал аферистом. Хорошим парнем, правда, но аферистом.

Я снова не знал, что делать дальше. Единственная надежда была на участкового. Нет, можно, конечно, было послать его подальше,



только кто знает, что они там ещё нарыли. Рита не станет скрывать, что я остался после её ухода, и вполне может ляпнуть лишнего, даже не заметив этого. Чего-нибудь, что очень быстро превратит меня из главного консультанта в главного подозреваемого.

Ещё и этот демон. Почему он не стал меня преследовать? Что-то не сходилось. На каждое следствие есть своя причина, но сегодня мне попадались одни лишь следствия, а это, знаете ли, здорово нервирует.

Едва остановившись перед домом, я выскочил из машины и заглянул в багажник. Убедившись, что среди патронов не припрятано подарков в виде бомбы-другой, я перетащил оба тяжелых ящика в дом, поставив их на нижние полки в мастерской. Вернувшись на улицу, я взял машину за передний бампер и... подбросил её. Знаю, по идее, такая груда металла должна весить... много, однако внешний вид обманчив — машина взлетела вверх с легкостью пластиковой игрушки. И в виде игрушки упала мне на ладонь.

Да, да, у меня волшебная машина. Если вы ждёте от меня каких-либо объяснений по поводу наложенных на неё чар, то самое большее, что я могу сказать — понятия не имею, как оно работает. В конце концов, я не всезнающий мудрец, да и вы не задумываетесь над тем, как устроен ваш

мобильник.

Сначала мне показалось, что это ветер зашумел в листьях, но вскоре шелест стал более хлопающим. Лампа в фонаре на мгновение затмилась чем-то. Чем-то, не предвещающим ничего хорошего.

Я, в принципе, спокойно отношусь к летучим мышам. Несмотря на то, что они разносят кучу всякой заразы, мешают спать по ночам, шебуршась на чердаке, или залетают в открытые окна. Такие мыши не пугают. В отличие от тех, которых я увидел, посмотрев вверх.

Все деревья были облеплены не десятками — сотнями летучих мышей. Здоровенных, с размахом крыльев в полметра, не меньше. Издавая тонкий свист, они срывались с прогнувшихся под их тяжестью веток и описывали круги, разминая кожистые крылья. Каждый коготь на мышиных лапах был с вязальную спицу длиной, а резал, наверняка, не хуже скальпеля — мне совершенно не хотелось проверять, так ли это.

И что-то подсказывало, что не мотыльков они собирались ловить.

Едва я успел захлопнуть за собой дверь, как с другой стороны в неё врзалась одна из этих тварей. Следом ещё несколько. Мышь посообразительнее попыталась атаковать окно, но запуталась крыльями в решётке и принялась отчаянно пищать,

призывая собратьев. Заперевшись на все замки и опустив шторы, я пулей бросился в мастерскую.

Было бы самоубийством сидеть сложа руки и надеяться на чудо. Конечно, с приходом дня эти мыши, скорее всего, убрались бы восвояси. Так делает большая часть известной мне нечисти. Однако у них в запасе была ещё целая ночь, чтобы найти путь в дом. Выскочив на веранду, я стал шарить по полкам, но было уже слишком темно. Какая-то коробка перевернулась, на пол посыпалось её содержимое. Бормоча проклятия, я включил свет. За окнами, в октябрьских сумерках, сгустившихся на улице, тотчас зажглись жёлтые глаза-бусинки. Они светились совсем не так, как у ночных животных, — эти глаза будто не отражали свет, а излучали его.

Рука сама нащупала выключатель и нажала на него.

Уже взлетевшие мыши возмущённо заверещали и притихли. Всего на секунду. перед тем, как выбить собой все стёкла.

Схватив первое, что попало под руку, я бросился в ванную. Там, по крайней мере, не было выходящих на улицу окон. Но мыши уже пробрались в дом и скреблись теперь прямо под дверью. Проклятье! Даже кольцо, с помощью которого я мог бы перейти во Вневремя и сбежать из осаждённого летучими тварями дома, было